

Глава 1

Впервые я увидела ее в зеркале, когда стояла перед ним в будущем подвенечном платье, замерев подобно статуе. Швея и ее помощница подкалывали булавками пока еще разрозненные куски ткани, а мои мысли в тот момент уплывали куда-то далеко. Я грезила о безмятежном будущем рядом с любимым человеком, поэтому, хоть и смотрела на собственное отражение, в действительности не видела его.

Тогда-то в большом зеркале в полный рост на несколько секунд появилась она. Девушка — во всем моя противоположность. Бледное, как будто бескровное лицо, на котором выделялись большие карие глаза и темные круги под ними, длинные темные волосы, в беспорядке падавшие на плечи, черное платье с пышной юбкой. А ведь я в тот момент стояла перед зеркалом в белом, как у всех невест, пусть еще и незаконченном платье. Мою кожу всегда покрывал легкий загар, свойственный жителям Южных земель. Да и волосы у меня были светлыми, заметно выгоревшими на солнце, а глаза — серо-голубыми.

Видение появилось так внезапно и посмотрело на меня так пронзительно, что я резко втянула носом воздух, непроизвольно дернулась. И тут же вскрикнула от боли, поскольку помощница швеи — еще совсем юная девица с круглым лицом и довольно пустым взглядом — неосторожно ткнула меня острой булавкой.

— О, простите, госпожа! — она испуганно прижала руки ко рту и виновато посмотрела сначала на меня, а потом на свою нанимательницу — женщину в годах, шившую мне платья всю мою жизнь, начиная с того, в котором меня благословляла Богиня.

Та тут же недовольно нахмурилась, отчего ее лоб изрезали глубокие морщины. Взгляд ее не обещал юной помощнице ничего хорошего, поэтому я поторопилась заверить обеих:

— Нет, ничего страшного. Я сама виновата, не стоило так резко шевелиться.

Я натянута улыбнулась и швее, и ее помощнице, хотя то место, куда меня ткнула булавка, до сих пор горело огнем, а сердце бешено колотилось от пережитого испуга. С болью мне удалось разобраться быстро: стоило приложить ладонь к боку прямо поверх платья — и остальное моя природа сделала сама.

Снова посмотрев в зеркало, я обнаружила, что в нем теперь отражаю только я. Это помогло немного унять сердцебиение, но неприятное предчувствие лишь разрослось в груди. Я не понимала, откуда в обычном — не зачарованном! — зеркале могла взяться какая-то незнакомка, и это нервировало.

— Жаль, что вы не можете так же быстро и легко удалить пятно, — вздохнула швея, которая сразу поняла, что именно я сделала, приложив к больному месту ладонь.

Я посмотрела на платье: на белой ткани отчетливо виднелось пятнышко крови. Небольшое, но заметное.

Да, почему-то выводить пятна моя магия не умеет, о чем я и сама порой жалею.

— Снимайте его, Нея, — велела швея. — Думаю, если заняться пятном прямо сейчас, то следа не останется.

— Ох, не к добру это, — пробормотала молодая помощница, пока они обе помогали мне снять ненадежную

конструкцию из соединенных булавками лоскутов. — Говорят, кровь на подвенечном платье — это к беде.

— Да помолчи ты, — шикнула на нее швея. — Не мели языком, так беду и то проще накликать.

Я сделала вид, что не услышала их болтовни. Дочери жреца Богини Виты не пристало обсуждать деревенские суеверия. Я в них и не верила никогда, но в тот день мои убеждения подверглись серьезному испытанию.

Не прошло и получаса после того, как швеи удалились, заверив, что к следующей примерке пятно будет выведено, а меня уже вызвал к себе отец. В самом этом факте не было ничего страшного, но когда я вошла в его кабинет и увидела выражение лица, то сразу подумала и про таинственную бледную незнакомку в черном, померещившуюся мне в зеркале, и про пятно крови на белоснежной ткани.

Мой отец — добрейший человек, который всю жизнь холил, лелеял и баловал меня. С самого рождения я была его любимицей, его принцессой. Даже мама — да будет Богиня добра к ней в своем чертоге — старалась вести себя со мной строже. Возможно, именно благодаря ей я не выросла капризной и избалованной... По крайней мере, мне так кажется.

На моей памяти отец лишь однажды посмотрел на меня с недовольством, граничащим со злостью. Примерно год назад, когда я ворвалась к нему в кабинет без приглашения и без стука, чтобы похвастаться... то ли новым платьем, то ли украшением. Он в тот момент сидел на небольшом диванчике у окна и читал письмо. Перед ним стояла открытая шкатулка со стопкой других писем, и, видимо, их содержание его не радовало. Тогда он резко захлопнул шкатулку и спрятал письмо в складках простой белой мантии, которую носили жрецы его уровня. И посмотрел на меня этим взглядом, от которого мне захотелось сжаться в комок и убежать подальше.

Он потом быстро отошел и даже попросил прощения за то, что напугал меня, но тот случай я запомнила. И старалась больше не врываться в его кабинет. Даже сейчас постучалась и дождалась разрешения войти, хоть он и ждал меня.

Но как только я переступила порог, меня обдало холодом и сердце почти замерло в груди от неприятного воспоминания. Отец сидел на том же диванчике, держал в руках лист бумаги, а когда я вошла, поднял на меня почти такой же взгляд.

Слова застряли в горле, а по спине пробежала волна неприятных мурашек, но взгляд отца уже смягчился и из недовольного стал виноватым. Всего через пару минут причины таких метаморфоз стали мне понятны.

— Но это невозможно! — в ужасе воскликнула я, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Это должно быть шуткой. Просто обязано быть шуткой! — Я помолвлена. У меня свадьба через месяц. Как может кто-то сейчас просить моей руки?

— Помолвка — это не брак, — возразил отец с тяжелым вздохом. — В этом случае она тебя не защитит.

— Так ведь ему же еще полгода носить траур. Как минимум. К тому моменту я буду замужем.

Отец сокрушенно покачал головой.

— Нея, он *уже* попросил твоей руки. Я должен ответить сейчас. Он верховный жрец Некроса, Нея. Глава последнего Дома, поклоняющегося Богу Смерти. А я всего лишь младший жрец. Я не могу отказать ему, понимаешь?

Я не понимала. Не хотела понимать. С тех пор как я повзрослела и вопрос замужества начал меня волновать, отец твердил мне, что никогда не станет меня ни к чему принуждать. Что я буду сама выбирать себе мужа. И я выбрала. Выбрала сердцем. Мне повезло получить в ответ взаимность, и последние несколько меся-

цев я готовилась к свадьбе, была счастлива и фантазировала о том, какой будет моя жизнь. Представляла себя женой, придумывала имена детям...

И вот теперь все рушилось из-за того, что верховный жрец Некроса, который едва ли видел меня хотя бы раз в жизни, который женился чуть больше месяца назад и потом внезапно похоронил молодую супругу спустя всего четыре недели, вдруг решил, что я должна стать его следующей женой. Это было дико и не укладывалось у меня в голове.

— Папа, откажи ему, — мой голос прозвучал жалобно, умоляюще, но сейчас мне не было за это стыдно. Я вцепилась в руку отца и просительно заглянула в глаза. — Он старый и страшный. И дважды вдовец. А я люблю Роана, я должна стать *его* женой.

Отец высвободил руку и сжал мои плечи. На его лице все еще было написано сочувствие, но по его глазам я видела, что он уже все решил.

— Я не могу ему отказать, — повторил он. — Тебе придется выйти за него. Я не могу отказать Торрену Фолкнору только потому, что уже обещал тебя какому-то военному. Он оскорбится. Проклянет наш Дом: меня, тебя, твоего брата, твоего жениха, всех приближенных к нам, включая слуг. И ты можешь догадаться, что проклятие будет смертельным. Никто нас не защитит и не призовет его к ответу. Он родственник короля, он был его карающей дланью. Десятки людей могут погибнуть, если мы ему откажем.

С каждым его словом меня все больше сковывал холод и охватывало отчаяние. Часть меня понимала, что он прав: если мы обидим Фолкнора, он погубит всех, кто с нами связан.

— Но если ты ему не откажешь, погибну я, — дрожащим голосом озвучила я доводы другой моей части.

Отец долго смотрел мне в глаза, в его взгляде читались тоска и боль, и на мгновение надежда затеплилась

у меня в груди. Однако секунду спустя он коснулся губами моего лба и тихо прошептал:

— Прости меня.

У меня перехватило горло, показалось, что я задыхаюсь. Злые слова, которые я ни разу не позволяла себе в адрес отца, жгли язык. Чтобы не дать им волю, я вырвалась из его объятий и бросилась бежать, не разбирая дороги от застилающих глаза слез.

Опомнилась и остановилась лишь у дверей зала обрядов. Вообще-то я не имела права туда входить без жреца — то есть без отца, но сейчас мне было все равно, даже если меня поймают. Меня только что фактически приговорили то ли к смерти, то ли к пытке длиною в жизнь. Что еще мне могли сделать?

Я дернула на себя тяжелую дверь, и она послушно отворилась. Может быть, я не могла распоряжаться собственной судьбой, но в моих жилах текла кровь жрецов, и я владела Силой, пусть и небольшой.

В зале обрядов было темно: ламп и окон здесь никогда не имелось, а свечи сейчас не горели. Их зажигали только во время церемоний и ритуалов. Я оставила дверь открытой, чтобы свет из коридора немного рассеивал темноту.

То, что я искала, находилось в противоположном конце небольшого зала. Зеркало. Не обычное, вроде того, что стояло у меня в спальне, а зачарованное магией жрецов Четырех Богов. Его раму украшали символы древнего алфавита — основы языка Богов, на котором сейчас уже никто не говорил. Лишь жрецы могли прочесть его и понять. Я не могла, я не была этому обучена, но мне это и не требовалось.

Я коснулась раскрытой ладонью поверхности зеркала, вкладывая всю свою небольшую Силу в заклинание. Одно из немногих, которые я знала. Я хотела увидеть того, кто одним росчерком пера сломал мне жизнь.

Конечно, это было глупо: верховный жрец закрывался от наблюдения щитами. Но даже если я не могла посмотреть на него в реальном времени, то могла заглянуть в прошлое. Связанное со мной прошлое. Год назад я первый и последний раз в жизни была в королевском дворце на большом праздничном балу в честь короля. Жрецы всех Четырех Богов на нем присутствовали. Наверняка был и он, пусть я на него тогда и не обратила внимания.

В этот раз зеркало без труда откликнулось на мою просьбу и показало мне того, кого я искала. Зря я думала, что мне от этого станет легче. Стало только хуже.

Он был стар. Не как отец, конечно, но все равно минимум вдвое старше меня. Я не назвала бы его лицо уродливым, но и красивым оно точно не было. Оно было бледным, мрачным, угрюмым и... опасным. Может ли у человека быть опасное лицо? Наверное, может, если его выражение выглядит столь угрожающе. Светло-голубые глаза, странно сочетавшиеся с длинными черными волосами, смотрели на мир с неприязнью. Торрен Фолкнор был высок и, вероятно, хорошо сложен, держался, как и следовало жрецу его уровня, с достоинством, граничащим с высокомерием. Черная парадная мантия, расшитая серебряными узорами, скрывала фигуру, но в моем новом женихе чувствовалась сила. Меня это совсем не радовало, скорее пугало.

Даже больше, чем верховный жрец, мое внимание привлекла его спутница. На ней тоже было черное платье. Я слышала, что в Северных землях, где правили жрецы Некроса, черный вообще был популярен. Выглядела она такой же бледной и измученной, как девушка из моего видения. Я не была уверена, что видела именно ее: не успела разглядеть и запомнить черты лица, но общий образ был пугающе похож.

Может, сегодня во время примерки теперь уже ненужного мне подвенечного платья я на мгновение увидела собственное будущее? Мое лицо побледнеет, волосы потемнеют, а потом я и вовсе последую в чертог Виты?

Мои ноги подкосились, и я осела на холодный каменный пол, закрыв лицо руками и стараясь дышать, хотя что-то тяжелое с такой силой давило мне на грудь, что воздух не мог пробраться в легкие.

Богиня, за что мне это? И что же мне теперь делать?

Я молила Виту о знаке, о подсказке, о помощи. И неожиданно она откликнулась.

Глава 2

Я услышала за спиной шаги, но не попыталась встать, даже не пошевелилась. Мне было все равно, кто застал меня здесь. Я ждала оклика, отповеди и приказа покинуть священное место, но человек молча дошел до первых рядов скамеек, на которых сидели свидетели во время обрядов, и сел на одну из них.

Я шмыгнула носом — в тишине зала звук эхом отразился от стен, получилось неожиданно громко, промокнула глаза подолом платья и обернулась. Хоть я и убеждала себя, что мне плевать, кто застал меня в столь неподобающем виде в запретном месте, я все-таки облегченно выдохнула, обнаружив на ближайшей ко мне скамейке Розу.

Роза — моя компаньонка. Так официально зовется ее место в нашем доме. Ее приставили ко мне еще в мои четырнадцать, чтобы она сопровождала меня всюду. Отчасти она служила мне телохранителем, отчасти наставницей в тех вопросах, с которыми я не могла обратиться ни к отцу, ни к брату. Я воспринимала ее как старшую подругу: Роза была почти на десять лет старше меня, но она всегда держала со мной почтительную дистанцию. Кроме таких вот случаев, когда я оказывалась в полной растерянности и отчаянии. Хотя за все время нашего знакомства это случилось от силы третий раз.

— Кого хороним? — насмешливо поинтересовалась она, скрестив руки на груди и довольно фривольно положив одну ногу на другую. Она могла себе это позволить, поскольку ходила в штанах и свободной рубашке, а не в платье, как я.

— Меня, — призналась я тихо и бросила быстрый взгляд на зеркало. К счастью, оно погасло, стоило мне потерять концентрацию, и теперь отражало только погруженный в темноту зал.

— Если ты и дальше будешь сидеть на каменном полу, то до этого точно дойдет.

Ее ворчливый тон заставил меня улыбнуться и подняться. Ноги в тонких чулках действительно уже начали неприятно стыть от соприкосновения с холодным камнем. Я села на скамейку рядом с Розой, горестно вздохнув.

— Так что случилось? — поинтересовалась она. — Я видела, как ты выбежала из кабинета отца, словно за тобой гонятся сумрачные.

— Он выдает меня замуж.

Роза немного помолчала, как будто ждала продолжения. Я чувствовала на себе ее взгляд, но сама смотрела только на собственные руки, нервно ломая пальцы.

— До сего момента я была уверена, что это хорошая новость.

— Это было хорошей новостью, пока он выдавал меня за Роана, — кивнула я. — А теперь я должна выйти замуж за Торрена Фолкнора.

— Верховного жреца Некроса? — уточнила Роза, и по ее тону чувствовалось, что она хмурится.

— Да.

— Неожиданно.

— А представь, каково мне! — воскликнула я и посмотрела на нее... наверное, с мольбой, словно она могла что-то с этим сделать.

— А ты за него не хочешь? — невинно вздернув брови, уточнила Роза. Я чуть не стукнула ее, но сдержалась. Такое поведение неприемлемо для дочери жреца.

— Конечно, нет! — я позволила себе только выразительный взгляд.

— Откажись, — невозмутимо предложила она, пожав плечами. Мой взгляд не произвел на нее никакого впечатления.

Если бы это было так просто!

— Таким людям, как он, не отказывают, — я покачала головой. — Да и не могу я, отец велит. Я не могу ему перечить. Ты же знаешь, я выбрала диадему.

С этими словами я отчасти машинально, отчасти демонстративно коснулась маленькой диадемы, украшавшей мою прическу.

— И не говори, что два года назад я не отговаривала тебя, — фыркнула Роза, посмотрев на нее.

Я и не собиралась. В наших землях девушке в шестнадцать лет давали выбор: остаться под крылом отца и братьев, перейдя потом под покровительство мужа, или выбрать независимость. За первое мы платили абсолютным послушанием, получая взамен пожизненное обеспечение. Все заботы о нашем комфорте брали на себя мужчины. Независимость давала возможность принимать собственные решения, распоряжаться своей судьбой, но за это девушка платила полной ответственностью за себя и свою жизнь. То, что в первом случае должно было стать приданым, моментально отдавалось в ее распоряжение. Эти средства можно было потратить на образование, аренду жилья или открытие собственного дела. Немногие, правда, решались на это в шестнадцать лет.

На церемонии нам подавали два подноса, символизовавших выбор. На одном лежала диадема, на другом — острые ножницы. Если девушка выбирала покровительство мужчин, она надевала диадему и с тех пор